

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ.
КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX В.**

Сборник научных статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Тамбов 2001

ДЕРЕВНЯ, ГОРОД, ГОСУДАРСТВО И РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

С начала истории нашего государства город и деревня развивали типологически различные хозяйственные, социальные, культурные и психологические системы. Далекие от оптимальных природные и демографические условия, помноженные на череду разрушающих исторических событий, включая высасывающую, паразитическую социально-экономическую политику государства, привели к тому, что и в конце XIX в. главной задачей российской деревни оставалось выживание в рамках низкочастотного космического биоритма.

Крестьянин жил прежде всего не как социальное, а как биологическое существо, как часть биоценоза, ведомое не столько сознательным выбором, сколько пульсом, дыханием Вселенной. Важным свидетельством этого является характер взаимосвязи динамики урожайности главных зерновых культур, деревенской рождаемости и смертности. Так, больше или меньше детей рождалось не после урожайного или неурожайного года - погодная кривая урожайности за редкими сбоями совпадала в своих подъемах и падениях с кривой рождаемости, т.е. при равной половой активности и неопозволительности применения известных средств контроля за рождаемостью зачатия, сохранность беременностей, рождения крестьянских детей осуществлялись под урожай или неурожай. Это был саморегулирующийся механизм: если, например, приходившие случайные факторы «незапланированно» губили хороший урожай, то возникавший излишек приготовленных народившихся «ртов» снимался повышенной смертностью, если же что-то сбивало необходимо высокую рождаемость для хорошего урожая, то шадящая смертность обеспечивала адекватно высокий прирост сельского населения. Понятно, что такой примат биокосмического неизбежно означал и приоритет экстенсивных способов развития российского аграрного сектора. Еще одним, казалось бы далеким от темы биоритмов, плодом «совместной обработки» деревни природой, историческими потрясениями и действиями государства явилась уникальная амбивалентность, эклектизм внутреннего культурно-психологического мира русского крестьянина. В нем соединялись бывший по рукам фатализм и способность к авральной мобилизации сил, крайние собственнические чувства, животный эгоизм и взаимопомощь, уравнильно-коллективистские порывы, бессловесная терпеливость, бережливость и самозабвенный бунтарский разрушительный размах, страх и ненависть по отношению к государству, городу и их представителям и страстная мечта занять хоть какое-нибудь место на «государевой» службе, в «сладкой» городской жизни, одобрение благодетели и действия божьих за-

поведей в других с прощением и оправданием всех пороков и недостатков в себе и т.п.

В противоположность крестьянам, жизнь горожан протекала в биоритмах, выработанных в ходе социальной, экономической, политической и культурной эволюции, которым, в частности, подчинялось и демографическое поведение города. Город системно был противопоставлен селу уже способом своего возникновения, преимущественными задачей и характером своего существования. Он создавался «сверху» как месторасположение государственного тела, и, как социальная база государства, веками состоял в большинстве своего населения из непосредственной государственной обслуги, «государевых людей» и социально-экономической обслуги элиты. Такой город не мог строить отношения с деревней на основе взаимовыгодного сотрудничества и поддержки, он жил экономической и социальной рентой, фиском, неэквивалентным обменом с деревней. К разным способам жизни добавились и культурное противостояние: первым шагом, сделанным крещением Руси, а затем скачком петровского времени город был перенесен не просто на более высокий по сравнению с деревней культурный уровень, но в иное культурное измерение, включившее даже языковой барьер. До второй половины XIX в. город оставался, как и деревня, устойчивой саморазвивавшейся системой. Это обеспечивали жесткий сословный каркас, преимущественное самовоспроизводство социальной структуры в целом и элиты в частности, малые объемы и медленные темпы вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, обеспечивавшие не столь болезненное вращение «новоприходчика» в другую социокультурную среду и переход на эволюционные биоритмы.

Понятно, что «сожитительство» типологически разных миров города и деревни не могло быть безболезненным, мирным и бесконечно долгим. Оно по определению постоянно таило угрозу катастрофы макросистемы «государство-город – общество», и напоминанием об этом были столкновения Смутного времени и «бунташного» XVII в., восстания и иные социальные возмущения XVIII и первой половины XIX вв. Но до последней трети прошлого века тенденция к эскалации системного конфликта была слабой. Социальная, экономическая и культурная доля города росла медленно и оставалась достаточно малой и государственно-городской запрос деревне оставался выполнимым, не нарушая уклада и ритма сельской жизни, а государственный механизм социального рекрутирования и контроля дополнительно удерживал деревню в прежнем состоянии. Давление сельского мира на город и государство снималось до поры тем, что непрерывно росла территория страны, осваивались новые земли, что не позволяло геометрической прогрессии роста сельского населения при застое в развитии агротехники и производительности земледелия свалить деревню в кризис малоземелья и

аграрного перенаселения. Вместе с тем все это было лишь накоплением критической массы для системного взрыва.

Неизбежный прогресс человечества, выраженный государством в проведении реформ, направленных на восстановление и поддержку могущества империи, решительно изменил условия сосуществования городского и сельского миров. Потребности неизбежной и необходимо ускоренной модернизации привели к резкому росту объема, изменению качества и сокращению сроков выполнения государственно-городского экономического, социального, фискального запроса деревне, который она в тогдашнем своем состоянии не могла и не хотела обеспечить.

Таким образом, в конце XIX в. возник наряду с остальными (национальным, рабочим, отношениями общества и власти и т.д.) российский аграрный вопрос, трудный для решения в пользу государства и невозможный для решения к взаимному удовлетворению сторон, тем более к удовлетворению только крестьянской стороны.

Другой стороной вспухавшего конфликта государства-города и деревни оказывалось исчерпание крестьянским миром возможностей существования в рамках низкочастотного космического биоритма. Преодолевая за счет прогресса биологические ограничения к росту населения, деревня стремительно «размножалась». К примеру, население Тамбовской губернии за пореформенные полвека увеличилось, как и во всей стране, вдвое, перекрывая миграционный отток и прирастая каждое десятилетие новым полу-миллионом крестьян.

Механизм биологического регулирования роста сельского населения не работал с точностью часового механизма. Время от времени (и, судя по пореформенной статистике Тамбовской губернии, тоже достаточно ритмично - примерно каждые 14 лет) он давал сбои. Низкие рождаемость и прирост при хорошем урожае не становились проблемой и бедой для села. Но когда повышенные рождаемость и прирост приходились на плохой урожай, деревня спешно применяла защитные меры, главными среди которых до поры являлись сокращение крестьянского потребления и внутриаграрная «ближняя» миграция.

Но в условиях бурного роста земледельческого населения, вовлечения в сельскохозяйственный оборот практически всех удобных земель в Европейской части России при очень низких темпах аграрного прогресса, указанный регулирующий механизм переставал срабатывать, и, развивая стратегию выживания, большая часть деревенского излишка населения двинулась в города.

Имея основания считать Тамбовскую губернию значительным, показательным и типичным аграрным регионом, попробуем на ее статистических материалах приоткрыть динамику и последствия похода деревни на город. (Просим считать предлагаемые заключения предварительными, требующи-

ми продолжения работы, развития и корректировки). Для этого мы сравним кривые рождаемости, смертности и соответствующего прироста населения, заключения браков в Тамбове, Козлове, Моршанске, Кирсанове, Борисоглебске, Липецке и их уездах, в остальных городах губернии, соответствующие суммарные данные по всем уездам губернии и сведения об урожайности главных зерновых в регионе за пореформенный период (Сплошные кривые имеются пока за 1871-1906 гг., а также данные за 1863, 1865-66, 1909, 1911, 1913 гг.).

Первое, что показывает сравнение данных кривых - деревенские «вливания» в город при постоянном и значительном росте сельского населения не выстраиваются в столь же восходящую лесенку. Очевидна некая пульсация - деревня в определенном ритме вбрасывала «партиями» своих посланцев в города. Время, объемы и направления этих вбросов определялись не растущим модернизационным запросом государства и города, а периодами и силой перебивки, нарушения ритма связи рождаемости, прироста и урожая. Высота и возрастная структура крестьянских приливов отражались в подъемах абсолютной численности населения городов, в превышениях числа умерших в городах над числом родившихся при одновременном увеличении числа рождений и росте городского населения, во всплесках числа заключенных браков.

Взаимосвязь этих показателей по указанным городам и уездам позволяет выделить «вброс» 1862-65 гг., когда достаточно высокие рождаемость и прирост в деревне наложились на относительно неурожайные годы. Особый прилив испытали Кирсанов и Моршанск, давшие в 1863 г. равное число родившихся и умерших, а также 4-х (Кирсанов) и 2-кратное (Моршанск) превышение среднегодового числа браков и рост городского населения всего с 1863 по 1865 г. на 26% (Кирсанов) и 46% (Моршанск). Скачок рождений при одновременных отрицательных значениях «родилось - умерло» испытал во второй половине 1860-х гг. и растущий на железной дороге Козлов.

В 1875, 1879-80 гг. деревня родила и дала прирост больший, чем могли позволить явно низкие (сам-2, сам-3) урожаи. Города вправе были ожидать нового наступления деревни, и, действительно, «вброс» состоялся в 1879-82 гг.. Заметнее всех он оказался в Тамбове (резко отрицательные значения «родилось-умерло» в 1878-82 гг., 25% роста рождений с 1878 по 1879 гг., 60% роста среднего числа браков в 1879-82 гг. по сравнению с 1878 г.) и в Моршанске (отрицательные значения «родилось-умерло» в 1878-80 гг. и в 1882 г., 50% роста числа рождений и браков). Слабее, из-за небольших абсолютных показателей в маленьких городах, но ощутимым по относительным значениям, данный вброс оказался в Борисоглебске, Усмани, Шацке, Спасске, малозаметным в Липецке, незаметным в Темникове, Лебедяни и Елатье. Отрицательные значения «родилось-умерло» в городах при растущих положительных значениях данной разницы в соответствующих уез-

дах и параллельный рост числа браков как в городах, так и в уездах и некоторые косвенные свидетельства позволяют считать, что первые два пореформенных «вброса» состояли по преимуществу из целых крестьянских семей, включавших как пожилых, умиравших уже в городе, так и разновозрастных детей, старшие из которых женились и рождали детей в первые годы жизни в городе.

В 1891 г. в тамбовских деревнях и селах родилось 133 тыс. чел. - на 4-8 тыс. больше или столько же, сколько в урожайные 1886-88, 1890 гг. и последующие 1893-94 гг. Видно, природа «планировала» высокий урожай, но что-то сломалось в космическом, земном механизме, и хлебные губернии России постиг жестокий неурожай, повторившийся и в следующем 1892 г. К этому времени российский аграрный вопрос сформировался вполне. Малоземелье и аграрное перенаселение и без природных сбоев брали крестьянина за горло. И, пришпоренная редкой голодовкой, деревня ринулась в город, где мигранты первых волн уже женили и рождали детей и внуков. Начиная с 1892 г., три нарастающих волны сложились, и город содрогнулся от демографического взрыва. В 1896 г. в Тамбове было заключено браков на 40% больше, в Моршанске и Кирсанове в 5(!) раз, в Борисоглебске, Шацке, Усмани, Спасске, Лебедяни в 4-6 (!) раз больше, чем в любой предшествовавший год. В том же и в 1897 г. в Тамбове родилось детей на 40% больше, в Моршанске почти в 3 раза, в Кирсанове и Шацке в 6, в Борисоглебске и Усмани в 4, в Темникове и Лебедяни в 2,5, в Липецке в 1,5 раза больше, чем в 1892-95 гг.

Взлетев таким образом, кривые рождений и браков в 1897 г. и в 1898 г. упали в Борисоглебске и Моршанске, превышая, тем не менее, уровень 1895 г. в два раза, Кирсанов, Лебедянь, Усмань, Шацк продержались на пике до 1898 г., опустившись немного в 1899 г. В Тамбове же кривые рождений и браков продолжали двигаться вверх, и рождаемость 1901 и 1906 гг. превысила уровень 1895 г. соответственно в полтора и два раза. За два года, к 1897 г. население губернского центра выросло в полтора раза. Отрицательные значения «родилось-умерло» в этот раз имели для Тамбова лишь 1892, 1893 и незначительно 1895 гг., в Моршанске - 1891-92 гг. и незначительно в Кирсанове в 1892-93 и 1895 гг. с резким превышением числа родившихся числа умерших во всех городах в 1896-97 и в 1899-1901 гг., а также в последующие годы. Это означало, что деревенский прилив 1892-95 гг. состоял, в отличие от прежних, в основном из бессемейной молодежи 14-20 лет, женившейся в городах и рождавшей первенца в первые 1-2 года семейной жизни. Ступенчатое падение на 25-30% после пика 1892 г. числа браков в 1893-1901 гг. в Моршанском, Кирсановском, Тамбовском, Борисоглебском, да и в остальных уездах при одновременном непрерывном росте числа рождений подтверждает вывод о структуре «вброса» 1890-х гг. Особую связь данных показателей «уезд - город» обнаруживают Козлов и Липецк, что

позволяет предположить движение деревенских волн этих уездов сквозь или мимо своих центров. Елатьма же осталась «лежать», не испытав ни единого сколько-нибудь значительного прилива окружавшей деревни.

Что означал для России, казалось бы, тривиальный для модернизации в любой стране процесс пополнения города за счет деревни, помимо и в дополнение того, что мы знаем о российской многоукладности, социально-политических противоречиях и борьбе, перемен во внутренней политике государства и т.п.? Уникальное российское различие деревенского и городского миров определило и особые стартовые условия урбанизации и модернизационного разложения русской деревни. На Западе системная однородность обеспечивала параллельное и почти синхронное капиталистическое, буржуазное, рыночное развитие и взаимодействие деревни и города с резким ростом производительности аграрного сектора. Потому западная деревня перестраивалась на новые правила и ритмы до неизбежного похода в город и выдавливалась в город из высокопроизводительного хозяйства лишнего работника. Русская же деревня и в конце XIX в. при стремительном умножении населения, при почти неизменно низкой производительности труда, при добуржуазных правилах и биологических ритмах жизни выдавливалась не лишних работников, а лишние рты. Потому российские походы деревни в город оказывались в известном смысле независимыми от сроков и масштабов государственно-городской модернизации, потому несоразмерно большие «вбросы» деревни в город были априори чреватые социально-политическими и культурно-психологическими потрясениями.

Переход крестьян в город, в новое качество жизни в российских условиях означал переход с низкочастотных биологических ритмов на суточные, недельные, годовые ритмы, выработанные в ходе социально-экономической и культурной эволюции человека. Город, менявшийся на глазах в ходе буржуазной индустриализации, предлагал и своим старожилам и «новоприходчикам» равноинтенсивную во все времена года работу, иной темп и насыщенность жизни, делая инстинктивную биологическую жизненную стратегию и тактику вторичной, мешающей, ненужной. Процесс адаптации, ломки прежних и привыкания к новым биоритмам оказывался неизбежно болезненным и имел проявления и плоды на индивидуальном и массовом уровнях.

Изначально деревню покидала так или иначе неудовлетворенная часть крестьян, а развивавшийся при нарушении биоритма стресс усиливал известные качества маргинала как человека в активном переходном состоянии (агрессивность, беспокойство, стесненность, честолюбие, чувствительность, эгоцентризм). Адаптация тех, кого деревня вбросила в город в 1860-е гг., прошла мягче: сам «вброс» был относительно невелик, провинциальный город типа Моршанска или Кирсанова с его полусельским образом жизни оказывался своеобразным буфером, отстойником для деревенских рекрутов, индустриализация только начинала разбег, предоставляя время младшим

членам вчерашних крестьянских семей для того, чтобы втянуться в городскую жизнь. Правда, огромный - в 5-10 раз - относительный рост преступности при пока незначительном ее абсолютном уровне может выступать в качестве одного из первых симптомов перестройки социокультурной активности и грядущих социальных потрясений.

«Ломка» более мощного «вброса» 1878-82 гг. стала более чувствительной, - и многие взрослые из этой волны отведдают социально-политического радикализма, а их дети 1883-89 гг. рождения станут массовыми застрельщиками первой революции и затем уже видными активнейшими деятелями 1917 г. и гражданской войны. «Переделка» же середины 1890-х гг. окажется решающей в смысле подготовки крушения старой России и строительства новых государства и общества. Большая часть самой высокой волны крестьянского прилива в город оказалась не в «буферных» кирсановах, а в буржуазных крупных городах в полном разбеге модернизации. Платой за прелести и удобства городской жизни было не только опережающее развитие прежде второстепенных болезней (онкологические и сердечно-сосудистые заболевания, туберкулез, сифилис), но и новые неврозы, подсознательные психосексуальные комплексы, вытесняемые, сублимируемые в агрессивном, радикальном социокультурном поведении. Не случайно, что типичнейшие вехи типичнейшей биографии радикального активиста (чаще, естественно, левого) образца 1917 г. и гражданской войны выглядят так: родился в провинциальном городе наиболее многоукладных и быстро модернизирующихся районов империи или в деревне с переездом в город в раннем детстве, годы рождения - 1891-97, чаще всего 1895-96, родители - крестьяне, отец потерян в раннем детстве, младенчестве, работа с юных лет, разноразное, но всегда неполное образование, мелкий служащий, армия, фронт, левая партийность в 1917 г.

Можно сказать, что революция 1917 г. и гражданская война как формирующий опыт - дело рук деревенских детей из пореформенных «вбросов» в город, соединившихся с горожанами, также страдавшими от смены жизненных ритмов. Такая вот революция маргиналов периода адаптации. (Зная о том, что смена, ломка биоритмов губительно действует на живые организмы и понимая социально-политический радикализм как ее проявление, можно ожидать у радикалов той поры меньшей продолжительности жизни. Подсчеты оправдывают такие ожидания: радикалы начала XIX в. - и левые, и правые - при исключении насильственной смерти жили в среднем по 50-54 года - на 12-15 лет меньше либералов и на 20-25 лет меньше умеренных социалистов и карьерных государственных деятелей).

Но соединение деревенского прилива с пореформенным городом не только обеспечивало возможную, а затем и неизбежную революцию социальным материалом. Оно определяло ее системный исход, в том числе и судьбу (смертную) самой деревни и путь решения аграрного вопроса .

Что было доминантой среди многих мотивов оставления крестьянином деревни? В город шли не для того, чтобы с радостью работать по 16 часов в сутки на вреднейшем производстве, ползать в шахте и париться у домны. Уходили от идиотизма деревенского круга жизни к менее затратной государственной или частной службе, к месту у государственной кормушки, к городскому комфорту, времяпрепровождению и развлечениям, питанию и т.п. - ко всему тому, что государство и город веками обеспечивали за счет деревни. Встать на антидеревенскую позицию новоиспеченному горожанину, вчерашнему крестьянину помогала упоминавшаяся выше амбивалентность сознания и поведения деревни, сочетавших шкурничество и уравнилельно-коллективистские устремления, мечту о нетрудовом обогащении и т.п.

Нетрудно заметить, что все предлагавшиеся в начале века способы решения аграрного вопроса предусматривали это решение силою и принуждением государства, в пользу государства и города и за счет деревни. Качество дореволюционной государственной элиты и мирной пореформенной эволюции хозяйства, общества и культуры обеспечивало выработку таких вариантов решения аграрного вопроса, при котором отношения государства-города и деревни строились на принципах открытого системного развития, при жесткой, но перспективной трансформации деревни при сохранении жизни крестьянству. Но революция 1917 г. уничтожила прежнее государство с его человеческой начинкой - дворянски-буржуазной элитой.

Средние и низшие слои города, вчерашняя и позавчерашняя деревня, пореформенные маргиналы с их набором мыслей, планов и действий обязаны были решать аграрный вопрос, и решение - объективно и субъективно - осталось одно: полное огосударствление от земли до работника, крупное госхозяйство в аграрном секторе, устройство отношений с деревней на основе ренты и неэквивалентного обмена с естественной и уже исторически необходимой ликвидацией крестьянства как хозяйственного, социального и культурно-психологического уклада. В кратчайшие исторические сроки трудное сосуществование миров государства-города и деревни завершилось, сельский, крестьянский мир раздробился и переварился, исчез в утробе завершившего свое формирование организма замкнутого типа. Избегая обвинения в дурном детерминизме, укажем на замечательную особенность исторического рандеву государства, города и деревни в середине 1890-х гг. В этой точке сошлись все те закономерные и случайные, объективные и субъективные факторы, которые дали жизнь реальной революционной альтернативе. Отсутствие любого из них отвело бы Россию от системной катастрофы. И если сослагательное наклонение в пожеланиях крестьянству меньшей рождаемости и большей смертности, самостоятельного перехода к интенсивному земледелию, советы природе к отвращению неурожая, а городам к большей емкости и буржуазности представляются наивными, то рассуждения по содержанию и своевременности аграрной политики госу-

дарства представляются уместными. В этом смысле реформы виттевско-столыпинского типа решали ряд модернизационных задач, предотвратили новый «неперевариваемый» вброс через очередные 14 лет, укрепляли дорогу мирной эволюции, но не отменили высокой вероятности революции. Революционное столкновение деревни с городом исключалось бы лишь в случае перевода аграрного сектора на интенсивное и высокопроизводительное хозяйствование до 1891 г., и реформы образца 1906-10 гг. стоило провести по крайней мере на 25 лет раньше.

Революция 1917 г. во многом вернула крестьянство к «достолыпинскому» образу жизни, восстановив, казалось бы, перспективу новых, все более мощных походов деревни на город каждые 14 лет в 1919-20 гг., в 1932-34 и в 1946-47 гг. Но иные стечения обстоятельств не позволили селу хотя бы еще раз продемонстрировать верность природе.

Д.Б.Павлов
Москва

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КЛУБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ (1905-1913 гг.)

В последние годы в российской историографии заметно усилился интерес к разного рода надпартийным образованиям, стремившимся к координации деятельности различных политических группировок. Одной из таких организаций явился Клуб общественных деятелей (КОД), первый политический клуб в России, открытый в Петербурге осенью 1905 г. В советской и зарубежной историографии он практически неизвестен.

По свидетельству сотрудника «Нового времени»; приват-доцента Петербургского университета и ученого секретаря КОД А.А.Пилленко, мысль о создании Клуба возникла у его инициаторов еще в феврале 1905 г. Речь шла о том, чтобы попытаться объединить «в специальном общественном собрании» всех тех, кто «желал бы в той или иной форме отстаивать свои взгляды на задачи Государственной Думы», положение о которой находилось тогда лишь в начальной стадии разработки. Несмотря на то, что организаторы Клуба - люди в бюрократических кругах весьма известные - сразу заявили о своем стремлении действовать строго в рамках закона и заранее согласились «на все те гарантии, которыми администрация пожелала бы обставить деятельность клуба», включая присутствие на его заседаниях полиции, официальное разрешение на его открытие последовало лишь в октябре 1905 г., то есть через четыре месяца после подачи соответствующего прошения [1].

Создание КОД началось сразу после утверждения его устава министром внутренних дел. В день опубликования Манифеста, 18 октября, на